

УДК 94(100)

ББК 63.3(0)

**Французский посол
Поль-Франсуа де Галюцци маркиз де л'Опиталь:
«первые затруднения» во время пребывания в Риге**

М.А. Киндинов

Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Россия)

**The French Ambassador Marquis P.-F. L'Hôpital:
First Difficulties during His Stay in Riga**

M.A. Kindinov

Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russia)

В данном исследовании раскрывается приезд в Россию французского посла маркиза П.-Ф. де л'Опиталья. В статье выявлены последствия событий, сопровождавших его пребывание в г. Риге, а также высказанное недовольство французского дипломата по поводу его приема российской стороной, что в целом повлияло на развитие русско-французских отношений в годы Семилетней войны (1756–1763 гг.). Автор сделал акцент на реакцию российского правительства в ходе переговоров, целью которых было недопущение какого-либо ущемления в придворном этикете отправляемого во Францию графа Чернышева. На основе изученных данных можно сделать вывод о том, что недовольство маркиза П.-Ф. де л'Опиталья отсутствием пушечной пальбы стало основанием для недовольства друг другом России и Франции, а также поводом для спекуляции со стороны последней. Исследование въезда в Ригу французского дипломата проводится впервые, что и составляет новизну исследования. Автор при написании статьи опирается как на опубликованные, так и неопубликованные архивные источники, что дает возможность всесторонне раскрыть данную проблему.

Ключевые слова: Россия XVIII в., внешняя политика, русско-французские отношения, Елизавета Петровна, Людовик XV, маркиз де л'Опиталь.

DOI 10.14258/izvasu(2015)4.2-14

Русско-французские отношения в середине XVIII в. складывались крайне противоречиво. Так, при посредничестве посла Франции маркиза Л. де Вильнева в Стамбуле при заключении Белградского мира 1739 г. дипломатические отношения между странами были возобновлены. Дипломатическое представительство в России со стороны Франции возглавил маркиз

The paper considers the arrival of the French ambassador Marquis P.-F. L'Hôpital to Russia. The author analyses the consequences of the events accompanying his stay in Riga and the complaint of the French diplomat about his reception by the Russian party which further influenced the development of the Russian-French relations during the Seven Years' War (1756–1763). The author places emphasis on the reaction of the Russian government during the negotiations aimed at prevention of any infringement in the court etiquette of Count Chernyshev who was sent to France. On the basis of the studied data it is possible to draw a conclusion that Marquis P.-F. L'Hôpital's complaint about the lack of cannonade became the basis for mutual discontent between Russia and France, and also the reason for speculation from the latter. The studying of the French diplomat visit to Russia is carried out for the first time which is the novelty of the research. While writing the article, the author uses published, and unpublished archival sources which allows him to fully investigate the problem.

Keywords: Russia XVIII century, foreign policy, Russian-French relations, Elizaveta Petrovna, Louis XV, marquis L'Hôpital.

Ж.-И. де ла Шетарди, который был переведен из Берлина. В 1741 г. маркиз принял участие в дворцовом перевороте на стороне цесаревны Елизаветы Петровны. В первые месяцы правления императрицы Елизаветы прослеживалось влияние французского посла на решение не только международных, но и внутренних вопросов. Э. Финч, английский по-

сол в России, писал о таком господствующем положении маркиза при принятии каких-либо решений императрицей: «Маркиз Шетарди, по-видимому, теперь главный советник, первый министр и во всех отношениях герцог Курляндский предшествующего царствования» [1, с. 245]. Такая ситуация продолжилась недолго, и уже в 1744 г. Шетарди вынужден был покинуть Россию, что значительно ухудшило и так неустойчивые русско-французские отношения. Вновь назначенному французскому послу шевалье д'Альону не удалось изменить усугубившуюся ситуацию в отношениях между двумя странами. Летом 1747 г. он был отозван из Санкт-Петербурга и отбыл в Париж. В России при французском посольстве обязанности посла были возложены на генерально-го консула Ж.-Б. де Кюри де Сен-Совера. Но в июне 1748 г. Сен-Совер также был вынужден покинуть берега Невы, в ответ на это посол России во Франции Г. Гросс выехал из Парижа, что в очередной раз привело к временному прекращению дипломатических отношений между Россией и Францией.

Международная обстановка после подписания Аахенского мира (1748 г.) оставалась крайне напряженной и нестабильной. Король Пруссии Фридрих II, зачинщик войны за австрийское наследство (1740–1748 гг.), зондирует положение дел в Лондоне, а австрийский канцлер А.В. фон Кауниц-Ритберг — в Париже. В итоге тайные переговоры между Пруссией и Австрией приводят к кардинальной перестановке сил в Европе, что в исторической литературе получает название «Дипломатическая революция 1756 г.», и одним из результатов данной «революции» стало возобновление дипломатических отношений между Россией и Францией.

В мае 1757 г. в Ригу прибыл Поль-Франсуа де Галюцци маркиз де л'Опиталь, в сопровождении капитана российской армии. По месту расположения маркиза ожидал караул из двенадцати рядовых во главе с унтер-офицером. Через некоторое время на квартиру прибыл рижский вице-губернатор Ф.М. Воейков [2, л. 6].

Современники одинаково оценивали личность французского дипломата. Так, например, государственный секретарь по иностранным делам маркиз А.-Л. де Рулье в беседе с надворным советником Ф. Бехтеевым, представлявшим Россию в Париже, отзывался о маркизе как о «представителе весьма древней фамилии, заслуженный человек и всем почтен... при этом человек уже пожилой и бывалый у дел...» [3, с. 165]. Да и сам Ф. Бехтеев неоднократно давал достаточно лестные отзывы: «Маркиз роста видного, чаю за 50 лет; человек кажется предобрый, сам просился в сие посольство и с охотою едет к нам» [3, с. 168]. Историк П.П. Черкасов отмечает, что предложение отправиться в холодный Петербург маркиз принял с должным пониманием важности до-

веренной ему миссии [4, с. 198]. Кроме того, маркиз обладал всеми необходимыми качествами для придворного служащего, способного понравиться императрице Елизавете. Хотя он и был человеком остроумным, веселым и ловким придворным, гордился своими успехами в обществе, но как дипломат не проявил себя [5, с. 185]. В этом он также имеет некоторое сходство со своим предшественником, маркизом де ла Шетарди. Все минусы в работе как бы списывались на его возраст и состояние здоровья, которое с каждым годом все ухудшалось, но никак не оговаривали полное отсутствие деловых качеств [6, с. 988–993]. Но, несмотря на оценку его личностных и деловых качеств, маркиз де л'Опиталь приступил к разрешению и укреплению дружеских дипломатических отношений между странами.

У автора большой интерес вызывает сам приезд французского дипломата в Ригу. Ведь именно проблемы, поднятые им в первые дни пребывания на русской земле, во многом и определили дальнейший характер дипломатических отношений России и Франции. Недовольство маркиза приемом российской стороны, затем вылившееся в противостояние, в деловой переписке не раз упоминалось как «первые затруднения», сложившиеся весной 1757 г. и еще не раз омрачавшие русско-французские отношения. С какими трудностями столкнулся маркиз, каковы были последствия его пребывания в России и как они отразились на отношениях с Францией? Чтобы ответить на поставленные вопросы, стоит детально рассмотреть его прибытие в Российскую империю.

Описание вьезда в Российскую империю французского дипломата содержится в переписке как его самого с поверенным в делах шевалье Дугласом, так и в донесениях Рижского вице-губернатора Ф.М. Воейкова, а также неоднократно упоминается в переписке французского правительства с представителями России при Версальском дворе графом М.П. Бестужевым-Рюминым и графом П.Г. Чернышевым. Наибольший интерес представляет письмо маркиза де л'Опитала, адресованное шевалье М. Дугласу, от 4 июня 1757 г.

«Господин Воейков вице-губернатор Рижский выслал капитана встретить меня в Олей за три с половиной мили отсюда, поздравить меня с благополучным прибытием, и сказать мне, что он нетерпеливо меня ожидает. Подъезжая к Риге я никого не видел, а как переехал через мост, то подъехал к карете моей офицер верхом и объявил, что ему приказано препроводить меня до квартиры, приехавши же в оную вышех из кареты, нашел я под некакой крышкой караул состоявший из двенадцати человек рядовых с одним унтер-офицером, как меня обнадежили что в Риге одни токмо пехотные деташаменты, а целого корпуса никакого нет, то меня еще не удивило, однако же проведал я после, что тут находятся четыре гарнизонных полка, пробывши с четверть часа один, приехал наконец

господин вице-губернатор ко мне с визитом, я принял его со всевозможною почестью, так же и он со своей стороны показал немалую усердность, двое из знатнейших городских чинов были также у меня, рекомендовали себя в мои услуги. После сих взаимных приветствий спросил я у господина Воейкова есть ли известия от господина графа Бестужева говоря, что я знаю что он еще 4 мая был в Раштадте и что его нетерпеливо ожидают в Страсбурге, дабы учинить ему все почести по его характеру. Потом спросил я у него получил ли он повеление от своего двора о тех кои надлежит мне при проезде через Ригу, он отвечал мне, что он токмо же недавно получил чтобы предупредить меня во всем том, что может служить к моему удовольствию, и доставить мне потребные к продолжению пути моего способы; однако же сказал я ему какие вы месье оставя сие предупреждение, какие вы почести чинить послам в вашем городе, ибо господин граф Бестужев имеет обязательно в Страсбурге караул состоящий из пятидесяти человек при оном был капитан, поручик, подпоручик и одно знамя, при въезде и выезде его из Страсбурга поздравлен он я чаю тринадцатую пушечными выстрелами с крепости. Господин шевалье де Сент-Андре генерал-лейтенант королевской армии и губернатор Эльзаской провинции и города Страсбург, был у него я думаю с визитом и привозил пред него всех своих офицеров от каждого полка с их полковниками, ратегеры (*выборные от купечества*. — *Авт.*) городские были, надобно думать равномерно с своим почтением у господина посла, а интендант провинции купно с господином шевалье де Сент-Андре, был у него с поздравлениями от всего города, на каждый день во все время его там бытности, а я месье не слыхал ни единого пушечного выстрела, при прибытии моем и не вижу здесь никого о кроме двенадцати гренадеров, да одного унтер-офицера, для содержания моего караула: на что мне господин вице-губернатор отвечал, что таковы у него имеются прежние указы письменные, что он весьма сожалеет что не может их преступить, я отвечал ему, что во всем том не без ошибки я забыл объявить вам, что господин Воейков сказал мне еще, что к господину графу Эстергази одни токмо таковые непосредственные почести учинены, но хотя бы и то было, токмо и же не меньше справедливо что бы и я здесь в Риге такие же почести имеют также чаятельно господину Бестужеву в Страсбурге учинены, и при сем случае венский двор не может никакого примера показать в тех почестях, кои мне принадлежат в соответствии тем, кои учинены имеют господину Бестужеву. Для сего столь странного и нечаянного происшествия, я рассудил ускорить одним днем отправление господина Бертина офицера тех кирасирских полков, в которых мой зять — полковником которого бы мне еще завтра надлежит отправить для уведомления вас о прибытии моем, я велел отдать ему сие письмо,

а как вы канцлеру сообщите о моем принятии, верите, то я не нимало не сомневаюсь, что он не испросил Ея Императорского Величества повеления о поправлении столь странного начала в церемониале, какое нимало не сходственно с мнениями его сиятельства, я прошу вас объявить ему, что я сим тем началом оскорблен, что по пятитысячной езде в тот момент, чтобы приехать ко двору Ея Императорского Величества, я против воли моей вижу себя вынужденным пробывать здесь пока он не пришлет иного к господину вице-губернатору указа. Боже сохрани, чтобы я хотел в каком-либо худе сторону истолковать, сие первое затруднение, которое нахожу при вступлении моем в области Ея Императорского Величества, наипаче потом, что фельдмаршал Апраксин учинил мне всякие при армии его почести, о чем прошу вас донести графу Бестужеву, к которому я как вы сами увидите весьма мало писал.

Я имею честь пребывать ожидая вашего ответа с совершеннейшею преданностью Ваш покорный и послушный слуга л'Опиталь» [2, л. 6–8, 23].

Покинув Париж в начале января 1757 г., французский посол совершил длинный путь, пролежавший через Страсбург, Ульм, Мюнхен, Вену и Варшаву [7, р. 31]. Прибыв в Ригу, он ожидал совершенно другого приема, пышного и торжественного, так как еще свежи были в памяти воспоминания о приеме маркиза де ла Шетарди и его привилегированном положении при дворе в России, о чем он не раз напоминал Воейкову [2, л. 2]. Учитывая существующую на тот момент шаткую обстановку, в которой происходило сближение двух стран, и зная этикет европейских дворов, маркиз ожидал равных «милостей» для себя в России, как и для графа М.П. Бестужева-Рюмина во Франции. Стремление маркиза добиться льготных условий при дворе, начиная с первых дней пересечения российской границы и прибытия в Ригу, не оправдали его ожиданий. Л'Опиталь представлял себя в роли миротворца-посланника, но остался недоволен оказанным приемом в Риге. И его пребывание в России негативно сказалось на дальнейшем сотрудничестве между двумя странами.

Во время своего ответного визита 1 июня 1757 г. маркиз вновь поднял данную тему и не раз еще «выказывал свое неудовольствие». В качестве подтверждения своей позиции он в очередной раз привел пример приема графа М.П. Бестужева-Рюмина в Страсбурге и то, как его принимали в Литве, а «генерал-фельдмаршал граф Апраксин в то время как он в Литве при марширующей армии с ним встретился, — писал в отчете Воейков, — к нему дал караула целую роту с знаменем и с принадлежащими к ней обер и унтер-офицерами дал». В конце встречи маркиз «с некоторой горячностью» пригрозил отъездом в Митаву [2, л. 3].

Своими заявлениями в Риге и отправленными письмами к шевалье М. Дугласу маркиз вызвал некоторое недоумение как в Санкт-Петербурге, так

и в Париже. В российской столице поведение французского посла расценили как необычное и странное. В рескрипте к графу М.П. Бестужеву-Рюмину в Париж канцлер писал о необходимости изъясниться с французским министерством иностранных дел и о просьбе, чтобы маркиза предостерегли «...от весьма предосудительной дружбе обоих дворов огласке неукоснительно воздержан был...». Кроме того, в Санкт-Петербурге выражали опасение «чтоб тот токмо заодно дружеское и откровенное с здешней стороны сообщение, а не за формальную жалобу почтено быть могло...». В то же время канцлер выразил надежду на то, что маркиз «сам одумается» и продолжит свой путь к берегам Невы [2, л. 13].

Граф М.П. Бестужев-Рюмин не смог лично исполнить данное поручение в связи со своей болезнью, поэтому и перепоручил его надворному советнику Ф. Бехтееву, в то время находившемуся в Париже. Посол во всем разделял мнение своего начальства. Ф. Бехтеев при первой же возможности обсудил возникшую неожиданно столь щекотливую ситуацию с секретарем по иностранным делам Франции аббатом Берни, разговор состоялся в Компьене. Министр выразил сожаление о случившемся, но главной причиной он вслед за маркизом де л'Опиталем назвал незнание послом введенного в 1744 г. придворного этикета. Более того, французское правительство было недовольно тем, «что шевалье Дуглас о том обстоятельстве прежде не наведалься и об оном маркизу Лопиталю не сообщил...». Кроме того, аббат Берни также сослался на то, «что генерально при всех других дворах во обыкновении есть в прибытии послов в пограничные крепости поздравлять их пушечною пальбою...» [2, л. 15]. Министерство обвинило шевалье Дугласа виновным в произошедшей заминке, и российскому правительству пришлось за него заступиться. «Мы все милостивейше повелеваем Вам оное с французскому двору знать дать, а притом оправдать и шевалье Дугласа в чинимом на него по сему делу от двора его нарекания которого нимало не заслужил он, — писал канцлер в рескрипте от 29 августа 1757 г. к графу М.П. Бестужеву-Рюмину, — потому что хотел остановиться маркиз л'Опиталь в Риге на вышеозначенном требовании, однако вскоре потом и не обождав от сюда ответа намерение принял ту остановку пресечь и действительно сюда поехал не иначе чайтельно, как по благовременному присоветованию уведомлению Дугласа о здешнем этикете» [2, л. 16].

Действительно, уже 6 июня 1757 г. маркиз отправил в Санкт-Петербург свой экипаж и часть свиты во главе с капитаном Станцлером. Для обслуживания были даны лошади с подводами, а для сопровождения приставлен сержант и три гренадера из Рижского гарнизона. Маркизу для продолжения пути были подготовлены 40 подвод [2, л. 4].

Осознавая пагубность своей задержки в Риге, вняв словам шевалье Дугласа и понуканиям из Версаля [2, л. 15–16], посол 12 июня решил наконец-то продолжить путь по бескрайним просторам Российской империи в далекую столицу на берегах Невы «для оказания своего почтения и крайнейшего желания иметь честь на уме быть при дворе...» российской императрицы [2, л. 10–11]. На основании его слов, сказанных на прощание Воейкову, дипломат искренне сожалел о том, что «показал неудовольствие», в оправдание своих слов сказал, что «то де он за должность свою почитал, зная что в приезде во Францию... господину графу Бестужеву гораздо больше дисктинций оказаны быть должны» [2, л. 11].

Маркиз де л'Опиталь прибыл в Санкт-Петербург 21 июня 1757 г. И уже 28 июня получил приглашение на аудиенцию российской императрицы Елизаветы Петровны. По прибытии в Санкт-Петербург маркиз де л'Опиталь удостоился от императрицы Елизаветы Петровны и ее министров самого лестного приема. «Я думаю, что они нами и мы им довольны будем: человек весьма почтенный и характера хорошего мне показался» [3, с. 292], — писал граф М.И. Воронцов после первой встречи с французским дипломатом надворному советнику Ф. Бехтееву в Париж.

Но на этом история не закончилась. Письмо, отправленное 4 июня 1757 г. маркизом из Риги и адресованное шевалье Дугласу, оказало свое воздействие на умы как в Санкт-Петербурге, так и в Париже. Так, после кончины российского посла во Франции графа М.П. Бестужева-Рюмина 26 февраля 1760 г. вопрос о приеме в Риге вновь был поднят. В реляции от 29 сентября 1760 г. к камергеру князю Д.А. Голицыну, заменившему собой графа М.П. Бестужева-Рюмина, М.И. Воронцов, находясь в должности канцлера, указал обсудить с французским правительством эту тему, в связи с назначением на пост представителя России при Версальском дворе графа П.Г. Чернышева. «Как ныне наш посол граф Чернышев к своему посту в Париже действительно в путь свой отправляется, имея следовать чрез Страсбург или Мец где же в проезде Его графа Чернышева может быть иногда по вышеозначенному обстоятельству не похотели б учинить обмена в пушечной пальбе и прочих почестях по Этикету французского двора всех других держав к оному двору чрез пограничные крепости следующим послам обыкновенно показываемых; дабы такое не сходствие с оным нашим послом в проезде Его последовать не могло, но оное благовременно преду-преждено, и при том случае те почести Ему точно по тамошнему Этикету показаны были б; того ради все милостивейше повелеваем вам по получении сего без замедления как бы собою о том дружеским образом изъясниться с тамошним министерством и сло-

весно представить с пристойными к тому доводами...», — указывал канцлер [2, л. 16–17].

Герцог Э.-Ф. де Шуазель, секретарь по иностранным делам, сменивший в декабре 1758 г. кардинала Ф.-И. Берни, не преминул уцепиться за это и решил исправить ситуацию годовалой давности. Так, в своем письме все к тому же маркизу л'Опиталю он не только подтвердил готовность оказать все полагающиеся почести графу П.Г. Чернышеву при его проезде через Страсбург или Мец согласно французскому этикету. Кроме этого, он не забыл прибавить, что «король столь большою охотою то учинить повелит, что императрица Российская намерена, дабы вам в Риге при обратном вашем отъезде во Францию те же почести показаны были» [2, л. 18]. Но реакция России и ее позиция оставались неизменными, как и ранее, правительство продолжало настаивать на своем. При отъезде из России маркизу л'Опиталю должны будут оказаны лишь те почести, которые зафиксированы в придворном этикете [2, л. 57].

Маркиз де л'Опиталь 13 февраля 1761 г. покинул столицу Российской империи, в которой он пережил пик своей дипломатической карьеры, и вернулся в родовой замок доживать немногие оставшиеся ему дни [4, с. 293], но пушечной пальбы и роты караула в пограничном городе Риге он так и не добился.

Дипломатические отношения России и Франции, восстановленные в 1756 г. с большим трудом, раз за разом омрачались такими незначительными, но все же бросающимися в глаза событиями, которые были высказаны маркизом при его приеме в Риге. Маркизу де л'Опиталю, как и шевалье Дугласу, все же хватило опыта и мудрости встать над ситуацией и не доводить ее до абсурда. Но, несмотря на некоторое недопонимание, на высшем уровне удалось разрешить данный вопрос. Первое затруднение, как его назвал французский дипломат, так и осталось затруднением, омрачив, как легкое облако, русско-французские отношения эпохи российской императрицы Елизаветы Петровны и французского короля Людовика XV.

Библиографический список

1. Валишевский К.Ф. Дочь Петра Великого. — М., 2007.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 473. — Оп. 3. — Д. 24.
3. Архив князя Воронцова / под ред. П. И. Бартенева: Кн. 1–40. — Кн. 3. — М., 1871.
4. Черкасов П.П. Елизавета Петровна и Людовик XV. Русско-французские отношения 1741–1762 гг. — М., 2010.
5. Феокистов Е. Отношения России к Пруссии в царствование Елизаветы Петровны. — М., 1882.
6. Мессельер де ла. Записки г. де ла Мессельера о пребывании его в России с мая 1757 по март 1759 года // Русский архив. — 1874. — Кн. 1. — Вып. 4.
7. Recueil des Instructions donnees aux ambassadeurs et ministres de France depuis les Traités de Westphalie jusqu'à la Revolution française / Avec une Introduction et des notes par A. Rambaud. T. 9. Russie (1748–1789). — Paris, 1890.